

7 2 ИЮЛ. 1935

Сергей Балашов

Сегодня мастер художественного слова С. М. Балашов привезает на ЧТЗ

В 8 часов вечера, в новом клубе состоится отчетный вечер Сергея Балашова

На эстраде появилась сухая, тонкая фигура человека в скромном пиджачном костюме... Фигура эта остановилась перед рампой.. Ничего особенного — человек, как человек. По первому взгляду даже невозможно определить — исполнитель это или один из зрителей. Ничего похожего на эстраду, ничего похожего на актерство с его подчеркнутой походкой и „высоко поднятой головой“. И только кисти рук указывали на то, что от этого человека следует чего-то ожидать; эти кисти были так напряжены, в них чувствовалось такое неподдельное творческое волнение, что я понял — сейчас произойдет не что такое, чего я до сих пор еще не видал..

И вот одна из рук поднялась вверх, зал стих.. Нет, не стих, застыл, окаменел... И в этой окаменелой тишине, после долгой тягучей паузы раздался чей-то далекий, тихий, совершенно не человеческий голос.

В этом голосе было все — и простор далеких пустынь, и тоска поработанного полудикаря — степняка и волчий вой и нарастающий шум колес, предвестие тех поездов, которые завоюют, должны завоевать просторы Туркестана.

Зал уплыл куда-то далеко... Исчезли стройные колонны с их лепными украшениями, балконы и ряды партера растворились в напряженном внимании зрительской толпы, видевшей перед собой только одну сухую, тонкую фигуру человека, рисующего всем своим существом — от заостренных пальцев до взволнованного голоса — незабываемые картины большевистских побед на Туркисе.

Лицо этого человека не было лицом рассказчика... — Так не рассказывают, так живут в рассказе, зажигаясь каждой строчкой текста, переживая каждое рассказываемое событие. В этих рассказах повествователь подымается до высоты участника, и масса, огромная человеческая масса, принимает такое повествование не как выдуманность, а как настоящую подлинную жизнь.

Сколько минут продолжалось чтение, я не помню.. Помню только громовые аплодисменты, несмолкаемые овации, в которых звучало необычное восхищение мастерством исполнителя. В них дрожал стихийный восторг пролетариата перед одним из величайших достижений социалистического гения, перед великим содержанием, нашедшим себе художественную оболочку.

Это происходило в Ленинграде, 28 января 1932 года. Рассказ был о Туркисе, имя и фамилия исполнителя — Сергей Балашов.

Родители его жили и работали в Пожве Свердловской области.

Детство и юность Балашова были пропитаны впечатлениями великой Октябрьской революции, и юношей, почти полуребенком, с незаконченным средним образованием он в 20 году идет добровольцем в Красную армию.

После армии непреодолимая тяга к искусству — и Балашов поступает на учебу в Пермскую драматическую студию...

В 24 году Балашов уже актер, он работает в Перми, в Вятке, в Уфе.

В 28 году, он становится главным режиссером драматического театра в Тюмени. После этого он уезжает в Ленинград, где опять начинает учиться в Первой государственной художественной студии.

Студия окончена и Балашов становится актером Ленинградского Большого драматического театра...

После этого — Государственный агитационный театр. Балашов уезжает с бригадой на лесозаготовки, на посевную, на уборочную. После этого ряд поездок по крупнейшим стройкам Союза и тут то пафос единственного в мире строительства зародил в Балашове мысль отдать все свое дарование великой стройке нашей социалистической родины, тут родилась поэма о Туркисе, тут родилась литературная композиция „ЧТЗ“, тут получило художественное воплощение „Письмо Ленинградского пролетариата“ и десятки других произведений, знаменующих этапы нашей великой стройки

Балашов подлинный певец нашего индустриального роста, наших завоеваний и нашей государственной мощи.

Галицкий